

К 100-летию со дня смерти

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ

КРИТИКА И ЖИЗНЬ

В трудные годы жил Виссарион Белинский. Дворянские революционеры, герои первого этапа освободительного движения в России XIX века, были повешены или сосланы в Сибирь. Революционеры-разночинцы, руководители второго этапа освободительного движения, еще не выступили на арену социальной борьбы. С одной стороны, это были годы разгула реакции Николая I, который после подавления восстания декабристов пытался утвердить в стране начала самодержавия, православия и «народности», понимаемой как холопское служение господствующим классам. С другой стороны, в это время появились великие произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, а эти годы делали первые шаги в литературу Герцен, Некрасов, Тургенев, Гончаров, Григорьевич. Лучшие произведения этих писателей звали на борьбу с самодержавно-помещичьим строем, на борьбу за освобождение человека. Литература в этих условиях играла исключительно важную роль в освободительной борьбе.

Белинский всю свою жизнь отдал служению родному народу. Он хорошо сознавал, на каком поприще он может лучше развернуть свои силы, нанести более серьезный удар крепостникам, помочь народу в борьбе за освобождение.

Белинский вел непримиримую борьбу с самодержавным правительством и его агентами в литературе. Он доказал, что самодержавно-крепостническая система противоречит коренным интересам народа.

Полудоминирующим правительственным органом была газета «Северная пчела». Она издавалась с 1825 по 1864 год. Издателями этой газеты были Греч и Булгарин. Они писали статьи, рецензии, повести, романы, но старательнее всего — доносили на передовых деятелей страны. Все порядочные люди сторонились их. «Избави нас от похвалы позорной «Северной пчелы» — говорилось в шутилке «Молитве современных писателей». Белинский всю свою жизнь вел последовательную борьбу с газетой «Северная пчела», раскрывая реакционный смысл всей ее деятельности.

Непримиримо относился Белинский и к журналу «Библиотека для чтения». В 40-х годах Белинскому пришлось вести борьбу с дворянским реакционным учением — славянофильством. Славянофилы идеализировали донетровскую феодальную Русь. Они создали фантастическую реакционную концепцию русского патристического процесса. Славянофилы, вопреки всем фактам истории, утверждали, что в древней Руси не было классовой борьбы, что существовало полное согласие между народом и царем. Славянофилы были ярыми противниками революции.

Белинский показывает, насколько далеки от подлинного народа славянофилы. Он подчеркивает реакционную направленность славянофильской теории общественного развития.

Сам Белинский принимал участие в работе, а позднее стоял во главе лучших журналов своего времени. В 1834 году в приложении к журналу «Телескоп», издававшемуся проф. Н. И. На-

деждиным, в газете «Молва» была опубликована первая крупная работа Белинского «Литературные мечтания». «Мало кому из молодых писателей, — вспоминал о впечатлении, произведенном этой статьей И. И. Лажечников, — случалось начинать свое поприще так смело, сильно и самостоятельно». Белинский выступил в статье во всеоружии даровитого новатора. Изумление читателей было общее. Кто был от нее в восторге, кто вознегодовал, что дерзкою рукой юноши кумиры их сбиты с пьедестала, на котором они, казалось, стояли так твердо. Белинский стал главным автором этого журнала. Когда в 1835 году Надеждин уезжал за границу, он нашел возможным поручить ведение журнала своему молодому сотруднику В. Г. Белинскому, которому шел лишь 21 год. На страницах журнала Белинский опубликовал ряд своих важнейших статей. Он первый назвал Гоголя великим писателем. Белинский вел беспощадную борьбу с дворянской литературой — с поэзией Бенедиктова, которого некоторые современники ставили рядом с Пушкиным, с пропагандистом аристократических идей в теории искусства Шевыревым.

Сороковые годы — время наивысшего расцвета таланта Белинского. Пройдя сложный путь идейного развития, Белинский в 40-е годы отказывается от идеалистических воззрений, становится на позиции материализма, утопического социализма и борется за революционное переустройство нашей страны. В эти годы Белинский становится одним из крупнейших мыслителей домарковского периода развития общественной мысли.

С 1839 года по 1846 год Белинский стоит во главе журнала «Отечественные записки». Журнал Белинского был самым передовым журналом своего времени, объединившим вокруг себя лучшие силы русской литературы того времени.

Огромное значение в борьбе с самодержавием Белинский придавал художественной литературе. Он был выдающимся историком и теоретиком литературы. Белинский гордился русским искусством и уже тогда говорил о мировом значении русской литературы. Белинский вел последовательную борьбу за высоко-идейное искусство, служащее прогрессивным устремлениям человечества.

В период работы Белинского в «Отечественных записках» хозяин этого журнала Краевский жестоко эксплуатировал великого критика. В 1846 году утомленный непосильной работой и тяжело больной Белинский ушел из «Отечественных записок» и стал работать в журнале «Современник», который стал журналом Некрасова. В этом органе Белинский продолжал работу за освобождение народа. Белинский горячо был предан родному народу и глубоко верил в его великое будущее. Белинский боролся за настоящее национальное искусство, в котором передовые идеи времени органически сливались бы с национальными основами жизни.

Все силы своей большой души и своего могучего интеллекта Белинский отдал борьбе за ту великую Россию, которую он пророчески видел через дымок столетия.

А. МЯСНИКОВ.

В. Г. Белинский.
Рисунок художника А. Панфилова.

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многогрудой тени,
Учитель! перед ином твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как все коснело на Руси,
Дремля и рабоплеству позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

Ты не гнушался никаким трудом:
«Чернорабочий я — не белоручка!».
Говаривал ты нам — и напролом
Шел к истине, великий самоучка!

Ты нас гуманно мыслишь научил,
«Едва ли не первый вспомнил о народе,
Едва ли не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...»

Недаром ты, мужая по часам,
На взгляд глупцов казался переменчив,
Но, пред врагом заносчив и упрям,
С друзьями был ты кроток и застенчив.

Не думал ты, что стоишь ты венца,
И разум твой горел, не угасая,
Самим собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя —

То недовольство, при котором нет
Ни самообольщения, ни застоя,
С которым и на склоне наших лет
Постыдно мы не убежим из строя, —

То недовольство, что душе живой
Не даст встать противу новой силы
За то, что заслоняет нас собой
И старцам говорит: «спора в могилы!».

Н. А. НЕКРАСОВ.

Белинский в латышской литературе

Доцент Карл ЭГЛЕ,

заслуженный деятель культуры Латвийской ССР.

Произведения Белинского замалчивались десятилетия. Вплоть до 60-х годов открытое упоминание его имени было признаком «неблагонадежности». Не приходится поэтому удивляться тому, что в первые три десятилетия прошлого столетия в латышской печати нельзя было найти упоминания о Белинском — ни при жизни его, ни в 1848 году, когда приняла смерть вырвала его из рядов борцов за свободу. Царская цензура не пропускала ни одного доброжелательного слова о Белинском и в русскую печать, запрещала статьи о нем еще и в 1876 году. Ясно, что это имя не могло прорваться сквозь рогатки цензуры в Латвию, где распоряжались немецкие реакционеры и их подручные — реакционная буржуазная латышская интеллигенция, которая за маской мнимой «народности» скрывала слепое, рабское подчинение немецким «культуртрегерам».

Впервые в латышской литературе имя Белинского встречается лишь в 1889 году. В № 131—133 газеты «Валтийс вестнесис» («Вестник Валтики») появился очерк Белинского «О воспитании», переведенный Вальдемаром Элиасом-Лусмином, современником и другом латышского поэта Эдуарда Вейденбаума. Этот первый перевод на латышский язык произведения Белинского долгое время оставался единственным. Через 20 лет — в 1911 году переведено было письмо Белинского Гоголю, опубликованное в № 64 «Садзиве» («Общество»). Иногда в печати появлялись лишь цитаты из отдельных произведений Белинского.

И все же имя Белинского и его великие прогрессивные идеи не остались чуждыми латышскому народу. Они жили в сердцах лучшей, прогрессивной части латышского общества так же, как и русского. В конце XIX столетия трудно найти на латышском языке статью, более или менее серьезную, о русской критике или о критике вообще, о литературе русской или латышской, в которой не упоминался

бы Виссарион Григорьевич Белинский, не приводились бы его смелые мысли непреклонного борца за свободу. Передовые латышские писатели и публицисты 90-х годов рассказывают о жизни и произведениях Белинского, разъясняют его взгляды на искусство и философию, говорят о его роли как духовного руководителя прогрессивной интеллигенции своего времени. В латышской общественной жизни это была эпоха так называемого «национального пробуждения», появления классической латышской литературы, критики, прогрессивной общественной мысли. Характерным для этого периода является тесная связь деятелей «национального пробуждения» Кришьяна Вальдемара, Кришьяна Барона, Юрия Алунана и их сподвижников с лучшими представителями прогрессивной русской интеллигенции. Взгляды Белинского, его гениальный анализ произведений русской литературы способствовали развитию прогрессивной общественной мысли, развитию литературы и критики в латышском обществе. Позднее, когда разгорелась острая борьба так называемого «нового течения» в латышской литературе и общественной мысли против внешне «народности», а на самом деле пронемицких течений реакционной буржуазной латышской литературы, идеи Белинского оказались острым оружием в руках «нового течения», способствовали превращению его в настоящее революционное движение. Имя Белинского все чаще упоминается не только в статьях о литературе, но и в очерках, докладах, статьях по общественно-политическим вопросам.

В 1892 году в статье молодого латышского критика Янсона-Брауна «Мысли о новой литературе» отчетливо чувствуется влияние идей Белинского. «...И наша маленькая литература не оторвана от обширных и богатых литератур других народов...», — говорит Янсон. Разбирая произведения Льва Толстого, Янсон предъявляет латыш-

ским писателям те же требования, которые предъявлял писателям Белинский: не превращаться в холодных регистраторов, в простых фотографов жизни, не ограничиваться изображением внешней стороны явлений, но указывать их истоки, объяснять их. В 1894 году в газете «Маяс виесис» («Домашний гость») появилась рецензия известного латышского литературного критика Теодора Зейферта на пьесы латышской писательницы Аспазии. В этой рецензии тоже ставится требование — глубоко проникать в явления жизни, прежде чем изображать их в искусстве. «Только в этом случае, — говорил Зейферт, — искусство будет полно силы, будет народно». В статье «Замечания о критике» в газете «Диенас лапа» («Ежедневник») за 1894 год Зейферт писал: «Всего ближе нам русский критик Белинский. В 1834 году он опубликовал свои «Литературные мечтания». Они поднали на ноги все русское общество во всей стране». Зейферт указывал на великое значение критики Белинского, стимулирующей развитие литературы. Разбирая критические произведения Янсона-Брауна, Зейферт еще раз упоминает о Белинском. Он указывает на то, что великому русскому критику было всего 23 года. Но именно молодости, писал Зейферт, присуще смело, без оглядки занимать передовые позиции в великой борьбе, как это делал Белинский.

В 1895 году в «Маяс виесис» появилась статья писателя Фрица Миеркална-Диенаса «О критике и ее задачах». Основной задачей критики, писал Миеркалн, является умение понять и выделить идейное содержание художественного произведения. В своих доказательствах Миеркалн ссылается, как на непрекращаемый авторитет, на Белинского, предлагая обратиться к его высказываниям о критике, помещенным в полном собрании его сочинений. Миеркалн горячо защищает мнение, что недостаточно критике заниматься вопросами стиля и других элементов формы, но необходимо для правильной оценки произведения дать ясный и определенный анализ содержания и идеи, как это делал Белинский.

В связи с пятидесятилетием со дня

смерти Белинского в латышской печати появился ряд статей, посвященных его памяти. Эти статьи знакомили с жизнью и творчеством великого критика, давали высокую и восторженную оценку пламенному борцу, революционеру-демократу. В статье «Виссарион Григорьевич Белинский», в очерке «Русский критик Белинский» (газета «Балтийс вестнесис», 1898 год) Белинский назван великим выразителем мысли о свободе и справедливости, замечательным явлением в русской критике, двигателем философской мысли. Невозможно представить себе, — говорится в этих статьях, — развитие русской литературы первой половины XIX века без Белинского. Такую же высокую оценку дает Белинскому журналист Страдон (П. Ласис) в статье «Русский писатель и критик Виссарион Григорьевич Белинский» («Балсс», 1898 год).

В 1902 году сочинения Белинского цитирует критик Ян Асар в статье, посвященной творчеству Гоголя. Он называет Белинского «вдохновенным апостолом реализма», критиком «новой России». Гоголь, писал Асар, не мог не оказать влияния на латышских писателей-реалистов, и через творчество Гоголя влияли на латышских писателей идеи Белинского, идеи протеста против неправды, духовной тьмы, пошлости. В другой статье — о романе «Андрей Кожухов» Степняка (Сергей Кравчинский) Асар писал, что Кравчинский вырос на идеях Белинского и других русских революционеров-демократов.

В 1911 году в связи со столетием со дня рождения Белинского латышские газеты и журналы широко освещают жизнь и творчество великого критика, подчеркивая его огромное значение для развития русской литературы, общественно-политической мысли, для развития демократических стремлений. Не только прогрессивные круги латышского общества, которые группировались вокруг легальной и нелегальной революционной марксистской печати, признавали огромную роль Белинского. И либеральная буржуазия не смела больше замалчивать значения великого борца и вольнодумца. «Каждая его критика — законченное художе-

ственное произведение, и он далеко обогнал своих современников», — писала о Белинском в 1911 году газета «Ригас авизе» («Рижская газета»). Другая буржуазная газета «Дзимтес вестнесис» («Вестник отчизны») заявляла: «Идеи, провозглашенные Белинским, мысли, которые он защищал в своих критических статьях, стали сейчас общественной собственностью русской интеллигенции».

Революционные и прогрессивные латышские газеты того времени говорили о Белинском куда более ясным и прямым языком. Газета «Лийк» («Голос времени») поместила статью: «Виссарион Белинский и его эпоха». Статья говорит, что Белинский с особенной яркостью боролся в эпоху темного самовластия со всем реакционным, что он стремительно двигался навстречу материалистическому пониманию мира. В заключении статьи говорится: «Вот почему, по убеждению Белинского, задачей каждого художника является — служить жизни, отбросить все силы своего общества... И, вспоминая его через сто лет со дня рождения, не забудем об оставленном им завещании: отбросить все силы на благо своего общества, своего класса». Конечно, читатели очень хорошо понимали, что в статье о Белинском под словами «свое общество, свой класс» подразумевается пролетариат.

В буржуазной Латвии имя Белинского совершенно замалчивалось. И только народный писатель Андрей Упит и литературовед Рудольф Эгле в составленной ими «Всемирной истории литературы» дают должную, правдивую оценку Белинскому, подробно рассказывают о его жизни и творчестве, о его неустанной борьбе и страданиях, об исключительном его значении в воспитании и развитии русского народа.

Самой собой разумеется, что настоящая и полная оценка, глубокое понимание Белинского латышским народом возможно стало только в советское время. Лекции и доклады, статьи и очерки дают возможность широчайшим слоям латышского народа познать мысли и идеи этого гениального революционера, демократа, звавшего народ на борьбу за лучшее будущее.

Единственный критерий истинности художественного произведения — жизнь. Критика должна прикинуться живыми интересами современности, она призвана раскрывать читателю значение литературы для жизни, а писателю — те отношения, в которых литература находится с жизнью. Этим требованиям сам Белинский следовал не только в качестве критика, но и историка литературы. Белинский привнес в свою историко-литературные статьи острое чувство современности, равно как критические его работы были проникнуты глубоким историзмом. Вот почему так невероятно были слиты в Белинском две сферы его деятельности: критика и история литературы.

Главным недостатком предшествовавшей ему критики Белинский считал ее отрешенность от жизни, приверженность ее ко всякого рода метафизическим теориям, с точки зрения которых она и пыталась определять значение того или иного явления искусства.

Белинский привнес в русскую критику новые принципы эстетического анализа. Его статьи отличались необычайно глубоким проникновением в художественную систему произведения. Критика, предшествующая Белинскому, была неспособна анализировать художественное произведение, как целостное явление искусства. Разбору подвергались лишь детали произведения и степень их формального соответствия тем или иным правилам поэтики. Произведение искусственно расщеплялось на изолированные друг от друга элементы. При таком анализе из произведения выхолащивалось не только его живое общественное содержание, но и то, что, собственно, делало это произведение явлением искусства.

Белинский осмысливал любое художественное явление с точки зрения главного вопроса эстетики: отношения искусства к действительности. Он оценивал литературное произведение в той мере, в какой оно не только воспроизводит жизнь, но и вмешивается в нее, воздействует на нее, творит суд над ней. Критика должна быть органом жизни, она обязана быть «злойбой дня», активно и своевременно влиять на жизнь. Так считал Белинский.

В центре эстетического анализа Белинского всегда стоит художественный образ. Критик рассматривал искусство как синтетическое отражение жизни. Для Белинского главное в искусстве — человек. Уже в «Литературных мечтаниях» он отчетливо сформулировал это важнейшее положение своей эстетики. Доказывая, например, ограниченность таланта Марлинского и ущербность его искусства, Белинский в качестве первого аргумента выставил незнание писателем человеческого сердца.

Белинский был критиком-учителем. Громадную силу его духовного влияния испытали на себе многие великие русские писатели. В творческую судьбу Гоголя и Лермонтова, Тургенева и Некрасова, Кольцова и Гончарова органически вошло влияние Белинского. Свою критику Белинский называл «прямой», в отличие от критики «уклончивой», оперирующей «осторожней-

шими выражениями», трусливо избегающей выражать свое ясное отношение к явлениям искусства. Свое мнение Белинский выражал всегда резко, смело, защищая его со всей страстью своего «вулканического» темперамента.

Белинского безмерно раздражали спокойные и пресные критические статьи, равно как и романы, в которых не было ни сочувствия, ни вражды, ни любви, ни ненависти. Литераторов, пишущих свои произведения холодным и бесстрастным пером, Белинский называл людьми, связанными с обществом «только внешними узами, а не духовным родством».

Он с презрением отстал эту благодушную либеральную болтовню. Увидев ошибку в произведении писателя или статье критика, он разоблачал ее со всей «неистовостью», на какую только был способен. И важно заметить: этому принципу «прямой» критики Белинский оставался верен и тогда, когда дело касалось его собственных ошибок. На эту замечательную особенность натуры Белинского обратил внимание уже Чернышевский.

Преодолев свое кратковременное увлечение Гегелем, Белинский яростно отшвырнул от себя «коллек Егора Федоровича» и проклял свое «насилственное примирение с гнусной расстройкой действительности».

Белинский не считал зазорным признать ошибку, допущенную при оценке того или иного произведения, того или иного писателя. Больше того, он не только констатировал самый факт ошибки, но подвергал ее тщательному анализу, беспощадно аскрибала ее корни.

Критика Белинского обобщала художественный опыт русской литературы. Но его теоретическая мысль нередко опережала развитие литературы, ставила перед ней конкретные задачи, указывая ей дальнейшие пути.

Белинский видел в критике даже такую силу не только эстетики и литературы, но и жизни. Он называл себя критиком-бойцом. Критика Белинского боролась за искусство, которое служило бы целям освобождения человека. В его руках литературная критика становилась впервые в истории столь действенным политическим оружием. В этом отношении подвиг «неистового Виссариона» для нашей критики особенно поучителен. Его имя для нас — не мертвая историческая реликвия. Его страстное мужественное слово продолжает оставаться для нас острым и боевым оружием. «Начиная с Белинского, — говорил А. А. Жданов, — все лучшие представители революционной — демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства». «Искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения». Лучшая традиция советской литературы, как говорил А. А. Жданов, является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, проложивших Пехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным.

С. МАШИНСКИЙ.

Вскоре после установления в Латвии советской власти, в 1941 году, в газете «Лунайс комунарс» («Юный коммунар») появилась статья поэта Майнхарда Рудзита, в которой жизнь Белинского ставилась перед молодежью Латвии как прекрасный пример борьбы за счастливое будущее. Статья, разъясняющая идеи Белинского и его значение в истории русской литературы, появилась в тот период и в целом ряде других газет — «Бривайс земинекс» («Свободный крестьянин»), «Тайснейба» (латышская газета), «Циня», в журнале «Карогс» («Знамя») и т. д. Напечатана была в переводе на латышский язык статья А. Луначарского «Историческое значение Белинского».

В газете «Циня» напечатан был в 1941 году очерк, посвященный Белинскому, автором которого являлся Ян Судрабалин, лауреат Сталинской премии. Он писал: «Критик исследует, разъясняет, освещает, оценивает труд писателя, художника, его связь с прошлым и будущим, он улавливает его думы в один лучистый сноп, который ясно освещает перед читателем, зрителем лицо творца. Великие критики так же, как творцы разбираемых ими произведений, были борцами, судьями, ругателями во всех отраслях культуры, были созидателями новых ценностей, двигавшими вперед всю жизнь. Таким борцом, судьей и ругателем был Виссарион Белинский, занимающий почетное место в семье русских критиков. Он ставил перед собой высокие цели и большие требования, он выражал их ясным языком и пламенно их защищал. Литература призвана была руководить развитием жизни, вести общество на борьбу за лучшее, благородное будущее».

Великий революционер и демократ Белинский пылливо всматривался в будущее. Он видел в будущем Россию во главе образованного мира, руководящую законами науки и искусства, заслужившую признательное уважение всего просвещенного человечества. Его предсказания сбылись, и советские народы с благоговением вспоминают и чтят великого революционера и демократа.